

«Мы передаем вам эстафету»

ПАМЯТИ СХИАРХИМАНДРИТА ПАХОМИЯ (ГОРОШКО)

Шестого августа 2026 года на 94-м году жизни (19.11.1932–06.08.2026) преставился ко Господу схиархимандрит Пахомий (Горошко), многолетний клирик и духовник Карагандинской епархии и ученик преподобного Севастиана Карагандинского.

Отец Пахомий (в миру Петр Спиридонович Горошко) родился 19 ноября 1932 года в селе Дзевятки (Девятки) Брестской области Белоруссии. С малых лет он был привычен к труду. Батюшка вспоминал, как однажды, еще пятилетним мальчиком, пас скот и во время сильной грозы от страха непроизвольно начал креститься, хотя в семье его этому не учили. Позднее он рассказывал об этом как о маленьком чуде в своей жизни.

Отец Пахомий окончил только четыре класса общеобразовательной школы, но отличался редкой сметливостью и трудолюбием. Умел своими руками сделать почти все, что требовалось в крестьянском быту: инструменты, сельскохозяйственный инвентарь, различные хозяйственные приспособления. Физическому труду батюшка и впоследствии уделял большое внимание, считая его важным и для духовной жизни человека.

После армии Петр Горошко приехал в Казахстан и работал экскаваторщиком на карьере в Ерментау. По воскресеньям он ездил в Акмолинск на богослужения в храм святых равноапостольных Константина и Елены. Там его заметили ссыльные монахини подмосковного Борисоглебского Аносина монастыря Михаила, Рафаила и Гавриила и посоветовали побывать в Караганде у старца Севастиана. По благословению преподобного Севастиана Петр решил переехать в Караганду. В Михайловке он стал водителем церковного автомобиля «Победа», позднее — алтарником, а по ночам работал столярком, резчиком, жестянщиком. Почти все, что требовалось для открывшегося храма, проходило через его руки и руки других добровольных помощников преподобного Севастиана.

Приход разрастался, и одному батюшке Севастиану становилось все труднее нести служение. В Карагандинской области тогда действовали лишь несколько храмов, а на богослужения и требы люди съезжались из окрестных городов и сел. Отец Пахомий вспоминал, как однажды во время Великого поста преподобный Севастиан приехал в деревню исповедовать, причащать и соборовать верующих. Людей собралось так много, что старец совершенно изнемог. Он сел, больные по очереди подходили к нему для помазания, но у батюшки уже не было сил поднять руку. Тогда Петр Спиридонович, привезший его

на церковной машине, стал поддерживать руку старца. «Монах есть непрестанное понуждение естества», — вспоминал он в этой связи слова «Отечника».

Преподобный Севастиан строго соблюдал церковный устав и традиции, но вместе с тем тонко чувствовал, когда любовь к человеку важнее буквального соблюдения правила. Однажды после панихиды старец пробирался через толпу к выходу. Пожилая женщина настойчиво просила его принять пачку печенья для поминовения близких. Петр Спиридонович, сопровождавший батюшку, сначала пытался ее отодвинуть, а затем напомнил, что идет Великий пост и печенье скоромное.

*Митрополит
Иосиф (Чернов)
и карагандинские
иподиаконы:
Алексей
Веретенников,
Петр Горошко
и Александр
Киселев*

*В алтаре
Богородице-
Рождественской
церкви. В центре —
преподобный
Севастиан, слева —
Петр Горошко
(ныне покойный
схиархимандрит
Пахомий)*

*Преподобный
Севастиан во дворе
храма. Слева —
Петр Горошко
(ныне покойный
схиархимандрит
Пахомий), справа —
схимонахиня
Анастасия
(Шевеленко)*

Преподобный Севастиан остановился, пожалел старушку, взял у нее печенье, отдал Петру и велел сейчас же съесть. В сторожке Петр Спиридонович, с постным чаем и великим смущением, стал выполнять благословение на глазах улыбающихся братьев и сестер. «Хочешь печенье? Это батюшка благословил», — попытался он поделиться. «Нет-нет, это ведь он тебе благословил», — отвечали ему.

Некоторые воспоминания отца Пахомия похожи на старые фотографии: человеку со стороны они могут показаться незначительными, но для тех, кто жил рядом с преподобным Севастианом, в них сохранялось тепло ушедшей эпохи. Батюшка рассказывал, как однажды после Литургии и долгих бесед с людьми старец наконец сел обедать в сторожке. Он был уже в очень преклонном возрасте и заметно устал. Вдруг прибежали и сказали, что пришли люди креститься, а других священников нет. «Сейчас, сейчас», — ответил отец Севастиан и медленно поднялся. Одна из монахинь сочувственно произнесла в духе некрасовского стиха: «Не доспит, не дообедает, то крестит, то исповедует...» Старец, не расслышав, переспросил: «А?.. Что-что?»

Отец Пахомий вспоминал, как преподобный Севастиан иногда сетовал: «Меня никто не слу-

шается». Молодой Петр тогда удивлялся: сам он старался слушаться старца беспрекословно и не понимал этих слов. Спустя годы, уже имея собственный опыт духовничества, батюшка говорил: «А теперь-то я понимаю».

Незадолго до своей смерти преподобный Севастиан постриг Петра Спиридоновича в рясофор без изменения имени.

Сохранилась любительская аудиозапись Литургии, которую совершал преподобный Севастиан. По инициативе Петра Спиридоновича удалось раздобыть магнитофон, а микрофон спустили через отверстие в крыше, сделанное для проветривания храма в жаркие дни. Старец ничего об этом не знал, а когда узнал, поставил участников затеи на поклоны за своеволие. Благодаря этой записи и сегодня можно услышать голос преподобного Севастиана и молитвенную атмосферу той карагандинской общины исповедников веры.

За несколько дней до смерти преподобного Севастиана Петр Спиридонович попросил разрешения сделать несколько его фотографий. Пригласили фотографа, духовного сына старца, работавшего неподалеку от храма. Преподобный был уже совершенно изможден, но терпеливо разрешил снять себя и в подряснике, и в мантии с клобуком. Когда Петр принес еще

и митру, келейницы едва не прекратили съемку, однако и эта фотография сохранилась.

Кончина преподобного Севастиана тяжело поразила его духовных чад. Отец Пахомий вспоминал, что тогда невозможно было понять, как теперь жить без батюшки. И добавлял: «Но прошло время, и как-то стали жить...»

После кончины преподобного Севастиана его ученики стали поступать в Московскую духовную семинарию. Сначала туда поступили Алексей Веретенников и Александр Киселев, впоследствии карагандинские духовники иеромонах Герман и архимандрит Анатолий. Через год к ним присоединился Петр Спиридонович.

Двадцать девятого ноября 1968 года епископ Волоколамский Питирим (Нечаев) постриг Петра Спиридоновича Горошко в монашество. В феврале 1969 года епископ Дмитровский Филарет (Вахромеев), ректор Московских духовных школ, рукоположил его во диакона, а 7 марта 1971 года — во иеромонаха.

После монашеского пострига и рукоположения отцу Пахомию было трудно жить в общем помещении: он стремился к тишине, чтобы готовиться к богослужению и читать правило. Его поселили отдельно, однако в эту комнату стали приходить студенты играть в домино. Какое-то время батюшка терпел, затем спрятал коробку с костяшками в щели под столом. Студенты долго искали пропажу, пока однажды кто-то, в отчаянии стукнув кулаком по столу, не услышал предательский стук домино. Турниры возобновились, а отец Пахомий понял, что от подобных искушений остается одно средство — терпение.

Отец Пахомий рассказывал, что однажды, когда он учился в семинарии или уже был насельником Троице-Сергиевой лавры, к нему приехала родная сестра с маленькой дочерью. Он показал им святыни Лавры, а когда пришло время уходить, девочка неожиданно расплакалась: «Я не хочу уходить!» Уговоры не помогали. Батюшка увидел в этой детской привязанности к святому месту простое и непосредственное ощущение того, что взрослый человек нередко перестает замечать.

Получить духовное образование в советское время было непросто. Тем не менее отец Пахомий окончил Московскую духовную академию и защитил кандидатскую диссертацию по кафедре пастырского богословия на тему

«Настоятель Малоярославецкого Николаевского монастыря схиигумен Антоний (Путилов) и его эпистолярное наследие».

По окончании учебы отец Пахомий был оставлен при академии профессорским стипендиатом кафедры нравственного богословия и работал в академической библиотеке.

За токарным станком — Петр Горошко, с молотком — Александр Киселев (впоследствии архимандрит Анатолий, настоятель Введенского кафедрального собора г. Караганды).

Они же устанавливают готовый киот для иконы. Начало 1960-х гг.

В Троице-Сергиевой лавре отец Пахомий обращался за духовным руководством к схииеримандриту Иоанну (Маслову).

Отцу Пахомию не раз предлагали вернуться в Караганду. Решение было для него непротым: он был глубоко привязан к Лавре, но Михайловка оставалась его духовной родиной, связанной с памятью преподобного Севастиана. Сам батюшка до конца жизни вспоминал об этом решении с некоторым внутренним смущением: ему казалось, что по отношению к лаврским отцам он поступил не вполне правильно, но иначе поступить не мог. В 1977 году отец Пахомий вернулся в Караганду и поселился при храме Рождества Пресвятой Богородицы (с 1988 года — Богородице-Рождественский женский монастырь).

К отцу Пахомию люди тянулись как к монаху и духовнику. Приезжали из разных городов Казахстана и России. Сам он говорил: «Это не ко мне приезжают, а к батюшке Севастиану» — и нередко советовал обращаться к своим приходским священникам. Однажды женщина стала расхваливать батюшку, а он в шутку ответил: «Да ты ведь не знаешь, какой я плохой! Вот я тебе сейчас расскажу!» — «Ой, не надо! Не разочаровывайте меня!» — всплеснула руками собеседница.

До того как монашеское правило стали совершать в храме, день отца Пахомия был устроен просто. Вечером он вместе с помощниками

молился и ужинал; за трапезой обычно читали или вспоминали почивших монахинь, прихожан и работников храма. Иногда батюшка почти не спал и полночи работал. Утром — молитвы, полунощница, три канона, затем Литургия или требы.

Отец Пахомий избегал похвалы и старался скрывать свои молитвы и духовные труды. Один молодой священник заметил, что во время службы батюшка очень быстро перебирает четки, и спросил: «Батюшка, простите, а какую вы молитву читаете? Иисусову?» — «Да нет, никакую, просто так четки перебираю». В другой раз молодой священник пожаловался, что утратил покаяние. «А я никогда и не имел покаяния», — ответил отец Пахомий.

Состояние, когда человек перестает видеть собственные грехи и заботиться об исправлении жизни, отец Пахомий объяснял так: «Когда невеста надевает подвенечное платье, она очень внимательно следит, чтобы и малейшего пятна на нем не появилось. Если оно появится, она сразу замечает и расстраивается, старается очистить платье. А у тракториста фуфайка такая грязная, запыленная, пропитанная мазутом, что, сколько бы новых пятен ни появилось, он их уже не заметит. Так и душа человеческая. Следишь за ее чистотой — замечаешь малейший грех, переживаешь, стараешься загладить его покаянием и исправлением. А когда по невнимательности душа загрязнится так, что но-

вых пятен уже не замечаешь, впадаешь в нечувствие и нерадение».

В будние дни отец Пахомий служил, ездил на требы, крестил, а в свободное время что-нибудь мастерил или ремонтировал. Принимал исповедь, беседовал с приезжавшими; долгое время он был духовником благочиния для духовенства. Гостей кормил, помогал устроить на ночлег, встречал и провожал на вокзале. Если было нужно, батюшка без всякого смущения становился для своих духовных чад и бесплатным таксистом, порой еще и терпеливо ждал их на вокзале. Тогда это воспринималось как само собой разумеющееся; позднее о таких случаях вспоминали с удивлением.

Для духовных чад было большим утешением куда-нибудь ехать вместе с батюшкой. Его приглашали не только на требы, но и на поминальные обеды: после панихиды за столом продолжались духовные разговоры и воспоминания. Общение отца Пахомия с людьми было теплым и по-домашнему простым.

Тех, кто приходил к нему поговорить, отец Пахомий иногда называл «совопросниками века сего». Когда собеседник начинал говорить лишнее и ненужное, батюшка мог словно бы

задремать. Но в нужный момент неожиданно просыпался, отвечал на вопрос или вставлял точную реплику.

При внешней безучастности отец Пахомий очень внимательно вслушивался в человека. Те, кто исповедовался у него и беседовал с ним, чувствовали, что он старается услышать не только слова, но и то главное, с чем человек пришел. Именно эта внимательность, соединенная с любовью к собеседнику, во многом объясняет, почему к нему так тянулись люди.

Тем, кто пытался познать духовную жизнь прежде всего по книгам, отец Пахомий говорил: «В злохудожную душу не внидет премудрость, ниже обитает в телеси, повиннем греху» (ср. Прем. 1, 4). «Надо жить по заповедям Божиим, а не только книги читать. Надо смиряться, укорять себя, все терпеть. Добро делать людям». При этом сам батюшка хорошо знал Священное Писание, святоотеческие тексты, патерики и жития. Однажды священнику, жаловавшемуся на соработников и на борьбу с осуждением, он напомнил пример епископа Нонна из жития преподобной Пелагии: святой не осудил падшую женщину, но укорил самого себя. «Вот

*Митрополит
Астанайский
и Казахстанский
Александр
и архимандрит
Петр (Горошко).
21 сентября 2012 г.*

так надо укорять себя и смиряться, тогда и не будешь осуждать», — заключил отец Пахомий.

Тем, кто по неразумной ревности слишком рано начинал говорить об умно-сердечной молитве, отец Пахомий давал понять, что они забегают вперед. Он сравнивал духовную жизнь с обработкой деревянной чурки: сначала лишнее обрубает топором, затем работают пилой и резцами, шлифуют — и только потом покрывают лаком. «Умно-сердечная молитва — это лакировка. Какой смысл покрывать лаком кривую, необработанную чурку?» Обработка души, объяснял он, это прежде всего исполнение заповедей, терпение скорбей и покаяние. Когда его просили посоветовать чтение об умной молитве, батюшка отвечал: «Почитай старца Силуана Афонского». — «Ну, батюшка, это не то...» — «Да это самое то!»

Когда кто-нибудь рассказывал о сложных и искусственно выстроенных попытках «наладить» духовную жизнь, отец Пахомий мог коротко заметить: «Все Вавилонскую башню строишь?»

В последние годы батюшка говорил: «Вот некоторые не верят чудесам, а ведь сотворенный Богом мир наполнен чудесами. Я тебе расскажу

не чудо, а настоящее ЧУДИЩЕ! Берут арбузное семечко и закапывают в землю, почти в песок. И из маленького семечка вырастает огромный арбуз. Как?! Какой ученый это мог бы выдумать?!» Само устройство сотворенного мира оставалось для него поводом для живого изумления и благодарности Богу.

Продолжая учить духовных чад смирению, отец Пахомий говорил: «Вот мы осуждаем фарисея, а ведь он и постился, и милостыню подавал. Нам далеко до него».

В разговорах с духовными чадами и приезжавшими в Караганду священниками сохранилось немало историй о том, как отец Пахомий воспринимал нужды и внутреннее состояние собеседника.

Один прихожанин рассказывал, что ему дали брошюру с выписками из творений святителя Феофана Затворника. Он прочитал всего одну страницу — о необходимости молиться утром и вечером и среди дня поддерживать молитвой внутреннюю теплоту — и больше к брошюре не возвращался. В тот же вечер на исповеди отец Пахомий неожиданно сказал ему: «Ну, ты же читал у Феофана Затворника» — и своими словами почти дословно передал содержание именно той страницы.

Среди воспоминаний духовных чад есть и рассказы о случаях, которые они воспринимали как проявление особого провидческого дара отца Пахомия. Нина Коршунова, работавшая в просфорне, рассказывала, что после случайного удара камнем у нее на груди образовалась шишка и она испугалась возможной тяжелой болезни. «Батюшка, я, наверное, умру?» — спросила она. Отец Пахомий ответил: «Ничего, еще лет двадцать проживешь». По ее воспоминаниям, спустя только двадцать лет у нее развилось онкологическое заболевание в этом месте, от которого она вскоре скончалась, незадолго до смерти приняв монашеский постриг.

Один из монашествующих вспоминал, что отец Пахомий далеко не всегда давал прямой ответ на вопрос. Иногда он отвечал уклончиво или вовсе молчал. Однажды собеседник настойчиво спрашивал о келейном правиле: «Батюшка, мне ведь это очень важно, почему же вы не отвечаете?» Отец Пахомий объяснил: «Если тебе сказать "этого мало" — ты будешь унывать; если сказать

"хорошо" — будешь гордиться. Что же мне тебе сказать?» Для рассказчика этот ответ стал важным уроком: не на каждый вопрос полезно получать немедленный и однозначный ответ.

По пятницам отец Пахомий многие годы ездил в онкологическую больницу, где причащал больных, а иногда и крестил. В 2019 году, собираясь в очередной раз ехать туда, он упал и сам оказался в больнице. После этого посещать онкологических больных вместо него стал другой клирик.

Года за три до смерти один священник услышал от отца Пахомия слова: «Мы передаем вам эстафету». Слова сопровождался характерным жестом. Священник вспоминал: «Сначала у меня промелькнула глупая мысль: "Надо же, батюшка мне передает!.. Духовничество?.. Старчество?.. Благодать?.." Но потом я понял, что в контексте всей нашей беседы эти слова были о смене поколений. Отец Пахомий был одним из последних представителей того поколения, которое рядом с преподобным Севастианом училось церковной жизни, служило и трудилось. Теперь приходило время другим принимать этот труд. В его словах была печаль о тяжести этого бремени, но не было безнадежности».

Постепенно отец Пахомий слабел. В последние годы болезни и старческие немощи изменили привычный распорядок его жизни. Большую часть дня он проводил в постели и постоянно нуждался в уходе, но по возможности его привозили в храм, где он причащался и участвовал в богослужении. Двадцать восьмого января 2026 года батюшка был пострижен в великую схиму с наречением имени в честь преподобного Пахомия Великого.

Шестого августа 2026 года, на 94-м году жизни, схиархимандрит Пахомий (Горошко) мирно преставился ко Господу. Восьмого августа 2026 года в Богородице-Рождественском женском монастыре Караганды после Божественной литургии состоялось отпевание схиархимандрита Пахомия. Заупокойное богослужение возглавил архиепископ Карагандинский и Шахтинский Севастиан; ему сослужили vikarий Карагандинской епархии архиепископ Сатпаевский Ипатий, епископ Елецкий и Лебедянский Максим, духовенство Казахстанского митрополичьего округа и прибывшие из России

священнослужители. Накануне в обители было организовано прощание с батюшкой, и над его гробом непрерывно читалось Святое Евангелие. Проводить отца Пахомия в последний путь приехали его духовные чада из разных городов Казахстана и России.

Перед началом отпевания было оглашено соборное послание главы Митрополичьего округа Русской Православной Церкви в Республике Казахстан митрополита Астанайского и Казахстанского Александра. Владыка особо подчеркнул, что отец Пахомий был «смирненным послушником и верным учеником преподобного Севастиана Карагандинского» и полученными от своего духовного отца традициями благочестия и духовным опытом щедро делился с теми, кто приходил к нему за советом и помощью. Митрополит Александр напомнил и постоянно повторявшийся батюшкой завет преподобного Севастиана: «Живите в мире. Мир и любовь — это самое главное». По распоряжению главы Митрополичьего округа во всех храмах и монастырях Казахстана были совершены заупокойные богослужения о новопреставленном схиархимандрите Пахомии.

Обратившись к собравшимся, архиепископ Карагандинский и Шахтинский Севастиан вспомнил жизненный путь и многолетние церковные труды почившего на Карагандинской земле. После последнего целования и провозглашения «Вечной памяти» гроб с телом батюшки был обнесен вокруг Богородице-Рождественского храма. Согласно прижизненному пожеланию отца Пахомия, его погребли на Старо-Михайловском кладбище, рядом с местом первоначального упокоения преподобного Севастиана Карагандинского. Перед погребением заупокойную литию совершил епископ Елецкий и Лебедянский Максим — уроженец Караганды и воспитанник схиархимандрита Пахомия.

Так завершился земной путь человека, который еще юношей пришел к преподобному Севастиану, всю жизнь хранил память о своем духовном отце и воспринятый от него опыт церковной жизни передавал следующим поколениям. Да упокоит Господь новопреставленного схиархимандрита Пахомия в селениях праведных!

Алексей ФЕДОРОВ